

До тех пор, пока в дверь не постучали и Цзин Чэнь не проснулся от стука, он даже не осознавал, что заснул прямо рядом со своим старшим братом.

В этот момент из-за двери неожиданно раздался голос Цзин И:

— Эй, отец велел позвать вас спуститься поужинать.

Тон Цзин И звучал несколько нехотя — судя по всему, как обычно, отец заставил его прийти сюда. Сейчас единственным желанием отца было, чтобы они, три брата, смогли ладить друг с другом. Но это, очевидно, было совершенно невозможно.

Стоило Цзин Чэню подняться, открыть дверь и увидеть кислую физиономию Цзин И, словно у того кто-то умер, как он прислонился к дверному косяку и с издевкой протянул:

— Ого, с каких это пор молодой господин лично поднимается наверх, чтобы звать людей?

Лицо Цзин И помрачнело так сильно, что с него, казалось, вот-вот могла капать вода. Сквозь зубы он процедил:

— Не зазнавайся! Только не думай, что раз отец позвал тебя прийти на ужин, это значит, что ты ему нравишься!

Цзин Чэнь холодно усмехнулся:

— Хе-хе, нравится ли я ему или нет, понятия не имею. Но я точно знаю одно: мне не нужно, подобно тебе, целыми днями унижаться перед отцом, льстить и подлизываться, намеренно корча из себя наивного, послушного и милого дурачка, чтобы выслужиться перед ним.

Разве Цзин И не боялся, что он вернется и оттяпает часть наследства? Что ж, в этом опасении тот был прав: семейный бизнес семьи Цзин его мать шаг за шагом создавала своим упорным трудом, и даже их отец не имел права зариться на него, не говоря уже о Цзин И и его матери.

В конце концов наступит день, когда он лишит их до последней копейки, и тогда они покатаются вон из семьи Цзин!

Услышав это, Цзин И не только не рассердился, но даже рассмеялся:

— И что с того? В конце концов, угодил-то ему я. Посмотри, разве отец каждый раз не встает на мою сторону?

Цзин И с некоторой жалостью взглянул на Цзин Чэня:

— А теперь посмотри на себя: вечно упрямый и властный, и кто же после этого придет к тебе на помощь? Он отличался от Цзин Чэня: у него не было такого сметливого и способного старшего брата, не было и влиятельной по происхождению родни со стороны матери. У него имелся лишь статус внебрачного сына да родная мать, которую в семье Цзин терпеть не могли.

Поэтому всего, чего он хотел, ему приходилось добиваться исключительно собственными силами. Кто станет с бухты-барахты унижаться и угождать другим? Разве он делал это не ради того, чтобы им с матерью жилось в этом доме хоть немного лучше, чтобы их никто не смел обижать?

Когда их только забрали в этот особняк, даже прислуга смотрела на них с презрением, не говоря уже о младшем господине, с самого детства окруженном всеобщим баловством. Сначала он тоже пытался наладить с ними нормальные отношения, но позже понял, что это абсолютно невозможно.

Особенно Цзин Чэнь. С самого момента появления в доме тот питал к нему сильнейшую враждебность. Цзин Чэнь то открыто, то исподтишка высмеивал его с матерью, на каждом шагу обзывая бастардом.

Чтобы остаться в этом доме, ему не оставалось ничего другого, как заискивать и улаживать отца, чтобы тот был доволен.

Цзин Яо проснулся от их ссоры и приподнялся на кровати, как раз услышав последние слова Цзин И.

Он поднялся и направился к двери, глядя на Цзин И сверху вниз: — Моему младшему брату хватит и меня. Ему никогда и не требовалась чья-либо помощь.

Цзин И с ненавистью посмотрел на Цзин Яо. Больше всего на свете в Цзин Чэне он с самого детства завидовал тому, что у того есть такой яростно защищающий его брат.

Сколько бы способов он ни перепробовал с малых лет до сегодняшнего дня, ему никак не удавалось переманить Цзин Яо на свою сторону, а тот при встрече даже никогда не удосуживал его добрым взглядом.

Цзин И послушно посмотрел на Цзин Яо и тихо позвал: — Брат...

Цзин Яо прекрасно помнил, как тот только что измывался над его младшим братом, поэтому сейчас он не собирался давать ему ни малейшего повода сохранить лицо.

— Ты еще кто? Не ори тут!— Я тебе не брат, и на всю жизнь у меня останется лишь один младший брат — Сяо Чэнь.

Сказав это, Цзин Яо нахмурился и посмотрел на Цзин Чэня, а затем произнес прямо в присутствии Цзин И:

— Он и раньше так с тобой разговаривал? Какой-то внебрачный сын посмел сесть тебе на шею?

Цзин Яо с презрением глянул на Цзин И:

— Ты и вправду возомнил себя младшим господином семьи Цзин?!

— Да ты и мизинца этого не стоишь! Шэнь Юань привела тебя в этот дом, и вы вообразили себя его хозяевами!

Услышав это, Цзин И мгновенно побледнел и сбивчиво заикался:

— Я... я... я не...

Больше всего на свете он ненавидел, когда его называют внебрачным сыном — это клеймо он мечтал сорвать с себя во сне. Перед Цзин Чэнем он еще мог беззастенчиво огрызаться, но сейчас перед ним стоял Цзин Яо.

Он лишь знал, что отец с самого детства не смел слишком сильно упрекать Цзин Яо, а мать и вовсе бесчисленное количество раз предупреждала его ни в коем случае не связываться с Цзин Яо. Хотя он не понимал, почему родители так опасаются Цзин Яо, из-за их предостережений страх перед ним укоренился в нем с малых лет.

Цзин Чэнь: «.....»

Цзин Чэнь впервые узнал, что у его брата, оказывается, такой ядовитый язык! Разве его брат не должен быть молчаливым, красивым и холодным властным гендиректором?!!!

Увидев, что Цзин И стоит со смертельно бледным лицом и молчит, Цзин Яо тут же схватил его за плечо и сурово приказал:

— Извинись. Извинись перед моим братом!

Цзин Яо сжимал плечо Цзин И так сильно, что тому стало больно. Упрямо глядя на давящего на него Цзин Яо, Цзин И покраснел от злости, а его глаза налились кровью!

С какой стати он должен извиняться перед Цзин Чэнем? Разве не Цзин Чэнь только что первый язвительно цеплял его, портя ему настроение?

Почему Цзин Яо так защищает Цзин Чэня? В чем же он, в конце концов, уступает этому вечно влипающему в неприятности с самого детства Цзин Чэню?

Цзин Яо же совершенно не волновали гнев и унижение Цзин И — в конце концов, этот человек ему никто. Сейчас он знал лишь одно: его послушного младшего брата обидел какой-то Цзин И!

Цзин И еще смел язвить его брату и заявлять, что за того некому заступиться. Если бы он сегодня не пришел, оставалось только гадать, до какого состояния семью Цзин довели бы эти люди, измываясь над Цзин Чэнем.

Заметив, что Цзин И упрямо молчит, Цзин Яо с ледяным выражением лица повторил:

— Я сказал: извиняйся!

В конце концов Цзин И был вынужден выдавить сквозь зубы:

— Про-сти-те!

Цзин Яо остался крайне недоволен его тихим, едва слышным писком и рывкнул:

— Громче!

Цзин И яростно зыркнул на Цзин Яо. В душе он кипел от дикого возмущения: с какой стати, ну с какой стати он должен извиняться перед Цзин Чэнем?! Разве сам Цзин Чэнь был во всем прав?

Видя упрямое выражение лица Цзин И, Цзин Яо постепенно усилил хватку:

— Я сказал: извиняйся!

— Извините! — от переполнившей его ярости Цзин И сорвался на крик. С покрасневшими глазами он упрямо уставился на Цзин Яо. — Доволен?

Цзин Яо вовсе не тронул гнев Цзин И, и он холодно бросил:

— Впредь держись от моего брата подальше. Чтобы я больше не видел, как ты дерзишь Сяо Чэню — в следующий раз так легко не отделаешься.

С этими словами Цзин Чэнь отпустил руку, державшую плечо Цзин И.

Едва освободившись, Цзин И бросил на Цзин Чэня полный злобы взгляд, а затем панически бросился наутек, куда глаза глядят.

Цзин Чэнь же вовсе не заметил этого полного ненависти взгляда.

Сейчас Цзин Чэнь во все глаза смотрел на Цзин Яо с выражением восторженного фаната: о боже, его брат просто невероятно крут!!!